

М. В. АХМЕТОВА

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Москва, Россия)
malinxi@rambler.ru

НАЗВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДОВ В СОВЕТСКОЙ РИТОРИКЕ: ОТ МАРГИНАЛИИ К МЕЙНСТРИМУ

В статье приводятся и комментируются результаты исследования, выявляющего функционирование названий жителей (катойконимов) в советских газетах. На материале статистического обследования городских газет Петрограда/Ленинграда, Твери/Калинина и Тамбова за избранные даты 1918–1950, 1955, 1960 и 1965 гг. было выявлено, что в раннесоветский период катойконимы, относящиеся к месту издания газеты, занимали маргинальное положение. Их частотность увеличивается в конце 1930-х гг., достигает пика в годы Великой Отечественной войны и далее остается стабильно высокой. Выявленные тенденции обусловлены изменениями советского дискурса и риторических стратегий, диктуемых идеологией: прежде всего речь идет о повороте от пролетарского интернационализма к патриотизму с конца 1930-х гг. и о дальнейшем возрастании роли «малой родины» в дискурсе.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Ключевые слова: названия жителей, катойконимы, советская риторика, советский дискурс, язык СМИ, локальный патриотизм, локальная идентичность, идеология.

В исследованиях по восточнославянской ономастике с 1960-х гг. часто отмечают увеличение оттопонимных дериватов и расширение сферы их употребления в советский период. Это связывают с увеличением количества административно-территориальных единиц; с появлением большого числа эргонимов, использующих оттопонимные прилагательные, и как следствие — с официальным стимулированием образования этих прилагательных (влияющего и на возникновение катойконимов — названий жителей населенных пунктов); с повышением уровня грамотности населения и развитием печати. При этом именно влиянием СМИ объясняют появление новых катойконимов, прежде не использовавшихся ни в печати, ни в бытовом языке [Горпинич 1973: 30–33; Суперанская 1979: 104; Генкин 1998: 59]. Сами же СМИ могут характеризоваться как сфера, в которой по преимуществу функционируют катойконимы в качестве социальных терминов [Шкатова 1987: 46].

Тезис о росте употребимости катойконимов после революции 1917 г. подкрепляется и статистическими данными. Так, В. А. Горпинич сравнил материалы двух газет с одинаковыми форматом и периодичностью — «Дело»¹ (первые 10 номеров за сентябрь 1881 г.) и «Радянська Україна» (первые 10 номеров за сентябрь 1971 г.) — и обнаружил в дореволюционной газете за указанный период всего один катойконим (во мн. ч.), а в советской — 31 катойконим во мн. ч., 16 — в м. р. ед. ч. и 12 в ж. р. Комментируя полученные данные, В. А. Горпинич отмечает влияние на употребление катойконимов в советский период определенных социальных процессов. Так, увеличение количества форм во мн. ч. он связывает с «большим интересом к коллективности во всех звеньях общественной деятельности человека», а увеличение номинаций в ж. р. — с тем, что «в послеоктябрьский период женщина вышла на широкую арену политической, государственной и культурной жизни» [Горпинич 1973: 30–33].

Не подвергая сомнению изложенные наблюдения и выводы, хотелось бы отметить, что они нуждаются в детализации. Безусловно, досоветская печать по языку отличалась от послереволюционной эпохи. Однако язык газет, как и общественно-политический дискурс, не был единообразным на протяжении всего периода с 1917 по 1991 г. Изменения происходили и в тематике публикаций, и в их структуре, и в стилистике, и в выборе лексических средств (см., например, об адаптации в газетах специальной лексики в разные периоды [Солганик 1981: 77 сл.]).

Опыт В. А. Горпинича во многом был уникальным — подобных статистических исследований употребления в СМИ катойконимов не проводилось ни до, ни долгое время после него. Однако следует признать, что данные В. А. Горпинича достаточны лишь для самых общих выводов и в любом случае не отражают временной динамики в употреблении оттопонимных номинаций в том или ином издании. Применительно к классу производящих номинаций, а именно топонимов, весьма ценными представляются результаты исследования Д. Ю. Ильина, на материале региональных газет конца XIX — начала XXI в. (г. Царицын — Сталинград — Волгоград) продемонстрировавшего, что частотность употребления топонимов и их функциональное использование в текстах СМИ определяются комплексными механизмами, подразумевающими как собственно лингвистический, так и экстралингвистический (в том числе идеологический) план [Ильин 2012]. Как будет показано далее, подобные выводы можно сделать и относительно названий жителей.

¹ Не вполне ясно, что за газета имеется в виду. Издававшихся в 1881 г. на русском языке газет с таким названием не обнаружено. Если газета выходила на украинском (что было бы логично, учитывая, что «Радянська Україна», с материалами которой сравниваются материалы «Дела», была украиноязычной), вероятно, речь идет о газете «Дѣло» (позднее «Діло»), которая издавалась во Львове. Однако по состоянию на 1881 г. львовская газета не была, в отличие от «Радянської України», ежедневной.

Источники и методология исследования

Мною была предпринята попытка повторить опыт статистического обследования газет послереволюционной эпохи за более узкий период и проанализировать полученные данные с учетом исторической ситуации и риторических стратегий, характерных для дискурса советской эпохи. Для анализа были выбраны газеты, издававшиеся в трех областных городах: Петрограде/Ленинграде, Твери/Калинине и Тамбове. Выбор мест издания газет отчасти обусловлен личными исследовательскими интересами автора статьи: в Тамбове и Твери мною проводились полевые исследования, связанные с функционированием названий жителей (соответственно, в 2013 и 2014 гг.); Петроград/Ленинград был выбран в качестве «контрольного» города (бывшей столицы, второго по значению города страны).

Таким образом, материалом стали публикации в газетах «Ленинградская правда» (до января 1924 г. «Петроградская правда»), «Тамбовская правда» (название с 1922 г., до этого названия менялись) и «Калининская правда» (до февраля 1931 г. «Тверская правда», до этого названия менялись)².

Был произведен сплошной поиск катойконимов в номерах, приуроченных к избранным советским официальным праздникам, когда, исходя из современной практики употребления названий жителей в газетах, ожидалось бы их использование в обращениях или в репортажах, освещающих праздничные события. Это номера за 1 января (либо первый номер года), 23 февраля (либо иной номер, посвященный Дню Красной армии / Советской армии / Советской армии и военно-морского флота), 8 марта (либо иной номер, посвященный Международному женскому дню), 1 мая (как правило, номера за 1 и 4 мая), 9 мая (начиная с 1945 г.; как правило, номера за 9 и 10 мая), 7 ноября (как правило, номера за 7 и 9 ноября) и 31 декабря (либо последний номер года). Просматривались соответствующие номера за 1918–1950 гг., а также за 1955, 1960 и 1965 гг.

Результаты исследования

Полученные данные представлены в Таблицах 1–3. Катойконимы м. р. представлены во мн. ч., независимо от того, какое число имеет форма в источнике (следует, впрочем, отметить, что в просмотренных выпусках названия жителей м. р. ед. ч. единичны); для ж. р. приводится форма в ед. ч. Суммировались цифры за пять лет (кроме данных за 1918–1920 гг., а также за 1955, 1960 и 1965 гг. по отдельности). В отдельных столбцах приводятся данные по названиям, относящимся к жителям 1) города, в котором выходила газета, 2) прочих населенных пунктов административной единицы (губернии, округа, области), в которую на данный момент входило место

² См. сведения о переименовании газет в приложении.

Таблица 1

Названия жителей по данным газеты Петрограда / Ленинграда

Годы	Город	Адм. единица	Др.	Итого
1918–1920	2 (питерцы)	0	0	2
1921–1925	11 (2 питерцы, 9 ленинградцы)	1	1	13
1926–1930	6 (ленинградцы)	9	12	27
1931–1935	3 (ленинградцы)	4	2	9
1936–1940	16 (ленинградцы)	5	10	31
1941–1945	266 (249 ленинградцы, 14 ленинградка, 2 питерцы, 1 ленинградцы-питерцы)	3	8	277
1946–1950	142 (140 ленинградцы, 2 ленинградка)	5	44	191
1955	34 (ленинградцы)	3	5	42
1960	32 (30 ленинградцы, 1 ленинградка, 1 питерцы)	0	10	42
1965	36 (34 ленинградцы, 2 ленинградка)	2	13	51

Таблица 2

Названия жителей по данным газеты Тамбова

Годы	Город	Адм. единица	Др.	Итого
1918–1920	0	1	3	4
1921–1925	1 (тамбовцы)	11	0	12
1926–1930	5 (тамбовцы)	51	7	63
1931–1935	4 (тамбовцы)	11	3	14
1936–1940	12 (тамбовцы)	3	6	9
1941–1945	37 (9 тамбовцы, 24 тамбовчане, 4 тамбовчанка)	7	9	53
1946–1950	36 (29 тамбовчане, 7 тамбовцы)	19	50	105
1955	3 (тамбовцы)	4	8	15
1960	10 (тамбовцы)	10	6	26
1965	13 (тамбовцы)	15	10	38

Таблица 3

Названия жителей по данным газеты Твери/Калинина

Годы	Город	Адм. единица	Др.	Итого
1918–1920	0	0	0	0
1921–1925	2 (тверяки)	51	24	77
1926–1930	3 (тверяки)	29	9	41
1931–1935	5 (1 тверяки, 4 калининцы)	2	6	13
1936–1940	15 (калининцы)	6	9	30
1941–1945	24 (калининцы)	14	5	43
1946–1950	67 (калининцы)	18	68	153
1955	4 (калининцы)	0	9	13
1960	16 (калининцы)	9	10	35
1965	12 (11 калининцы, 1 тверяки)	11	9	32

издания газеты³, и 3) прочих населенных пунктов СССР. Названия жителей зарубежных населенных пунктов не учитывались. Разделение между оригинальными текстами и републикациями (например, материалов РОСТА и ТАСС) не проводилось.

Представленные данные демонстрируют две значимые тенденции. Во-первых, в 1920-е — первой половине 1930-х гг. в газетах чаще использовались названия жителей населенных пунктов, отличных от места издания, но относящихся к той же административной единице. Во-вторых, рост числа номинаций, относящихся к месту издания, отмечается во второй половине (фактически — в конце) 1930-х гг.; в 1940-е гг. их количество достигает пика и далее остается стабильно высоким. Как представляется, эти тенденции обусловлены и изменением советских риторических стратегий, нашедших отражение в газетном языке, и жанрово-стилистическими характеристиками текстов, в которых использовалась данная лексика, а также спецификой той или иной газеты.

Комментарии к полученным результатам

*Именование жителей в газетах
до второй половины 1930-х гг.*

Малое число катойконимов, относящихся к месту издания газеты, связано, вероятно, с малой актуальностью территориальной идентификации

³ Например, название *ореховцы* (Орехово-Зуево, Московская область) в газете «Калининская правда» за 1933 г. считалось относящимся к административной единице, поскольку в это время г. Калинин входил в состав Московской области.

жителей в сравнении с идентификацией классовой, вышедшей в ранне-советский период на первый план, особенно в публикациях, написанных официально-деловым, книжным стилем. В послереволюционные десятилетия в языке газет наиболее частотным способом именования жителей была описательная модель, содержащая указание, с одной стороны, на территориальную, а с другой — на классовую/профессиональную принадлежность. Можно выделить несколько синтаксических конструкций.

1. [*Представители класса*] + (Gen. *город* [*Ойконим / его перифраз*]) (+ *и*) (Gen. [*Административная единица*]): «...призываем всех рабочих Петербурга не поддаваться гнусной провокации, распространяемой врагами рабочих» (ПП⁴, 1.01.1919); «Пролетарии города Ленина пошлют в ряды ленинской партии новые и новые отряды передовых борцов...» (ЛП, 7.11.1929); «Сегодня рабочие Ленинграда выйдут на улицу, чтобы еще раз продемонстрировать свою солидарность с мировым пролетариатом» (ЛП, 1.05.1926); «Октябрьский привет трудящимся Ленинграда и области (...). Трудящиеся города Ленина и Ленинградской области сегодня встречают XVII годовщину великой социалистической революции» (ЛП, 7.11.1934); «И даже в излюбленном месте отдыха трудящихся Ленинграда — на островах — кооперация тоже не собирается организовать общественного питания» (ЛП, 4.05.1930); «Рабочие, крестьяне, красноармейцы и все честные труженики Тамбовской губернии — привет вам и поздравление с великим праздником Великой Октябрьской Революции!» (ТП, 7.11.1922); «Привет трудящимся женщинам Тамбовской губернии» (ТП, 8.03.1928); «Рабочие, трудящиеся Твери! (...) В день 1 мая — все на улицу!» (ТвП, 30.04.1922); «93 тысячи трудящихся города Калинина 1 мая демонстрировали свою любовь и преданность партии Ленина — Сталина...» (ПрП, 4.05.1941); «Сегодня пролетарии и колхозники нашего города и района горячо приветствуют приезжающих на октябрьские торжества своих почетных гостей...» (ПрП, 6.11.1934); «В этот день десятки тысяч пролетариев и трудящихся города Калинина демонстрировали свою преданность ленинской партии...» (ПрП, 10.11.1933).

2. [*Отйконимное прилагательное*] + [*Представители класса*]: «Ленинградские рабочие и работницы (...) идут в передовых рядах борцов за социализм» (ЛП, 7.11.1934); «...Тверские рабочие, работницы, красноармейцы и граждане⁵ — на улицу! На демонстрацию трудового народа!» (ТвП, 7.11.1922).

⁴ См. список сокращений в конце статьи.

⁵ По всей вероятности, здесь термин *граждане* (приводящийся наряду с *рабочими* и др.) использован не в нейтральном значении, а в классовом — ср. *гражданин* vs. *товарищ* (см. об особенностях использования этих терминов в раннесоветскую эпоху, например, [Зеленин, Ряйсянен 2002: 86—87; Колесов 2006: 323—326]).

Особняком здесь стоят использовавшиеся в основном в 1918–1920-е гг. конструкции обоих типов, где вместо названия представителей класса употребляются иные термины с определенными общественно-политическими коннотациями: *общественность* (как сообщество лояльных советской власти социальных групп)⁶: «Только на днях тамбовская общественность с удовлетворением отмечала крупную победу этого завода» (ТП, 1.05.1935); *граждане* (в нейтральном, обобщающем значении): «Будем надеяться, что теперь тверские граждане будут более бережно относиться к книге» (ТвП, 30.04.1922); «Советская Коллегия Продовольственного Отдела Городск[ого] Хоз[яйства] в принципе разрешила вопрос, очень волнующий граждан города Тамбова» (Известия... (Тамбов), 1.05.1918), а также конструкции, содержащие название профессии. Так, в «Ленинградской правде» от 9 ноября 1926 г. в репортаже о спортивных соревнованиях сказано, что «ленинградскими спортсменами установлено — 9 [достижений]»; далее, правда, для именования спортсменов используется катойконим: «...первые два приза взяли ленинградцы Модель и Салмин», однако в целом авторы спортивных материалов в этот период скорее предпочитали именование по профессиональной принадлежности⁷.

3. Относительно редко ойконим метонимически использовался в значении ‘жители города’ в конструкции ([*Классовый эпитет*]) + [*Ойконим*]: «Рабочий Питер послал на места товарищей...» (ПП, 1.01.1919); «Ленинград обязался создать культармию в 88 тысяч бойцов» (ЛП, 1.05.1931); «Боровичи сейчас оживлены сверх обычного» (ЛП, 4.05.1928); «...“Интернационал” (...) поет пролетарский Ленинград» (ЛП, 4.05.1936).

4. Наконец, такими же редкими, как и катойконимы, являются описательные конструкции, обнаруживающиеся в текстах преимущественно до 1930-х гг. и описывающие население города в совокупности: «Всем гражданам, живущим в пределах города Тамбова, (...) [просьба] поддерживать полный порядок и спокойствие...» (Известия... (Тамбов), 1.05.1919); «...на огородах, предоставленных Коммунальным отделом, кормится $\frac{1}{4}$ часть жителей Твери» (ТвП, 7.11.1922); «Для насел[ения] Питера это приобретает особ[енное] значение...» (ПП, 31.12.1920).

В мою задачу не входило обобщающее рассмотрение всех способов именования горожан в соответствующий период. Приводимые примеры, как представляется, показывают приоритетность классового аспекта в сравнении с территориальным, хотя, разумеется, названия жителей города —

⁶ См. обзор об использовании понятия *общественность* в советском дискурсе [Майофис 2016: 49—50].

⁷ Отмечу, что, по моим наблюдениям, с 1950-х гг. спортивный репортаж стал одним из важнейших типов газетного текста, где использовались катойконимы.

места издания газеты не были полностью «изгнаны» из печати, что показывают и материалы, представленные в таблицах⁸. Преимущественными адресантами и адресатами газетных текстов были представители трудящихся классов. Кроме того, использование упомянутых клише могло отражать реальные социальные практики: так, в первые годы советской власти в массовых мероприятиях по случаю 1 Мая и 7 Ноября участвовали далеко не все горожане⁹. Интересно, что уже в 1930-е гг. классовая терминология зачастую использовалась для обозначения жителей города в целом, в том числе в бытовых контекстах. Если, допустим, в контексте деятельности горкомхоза высказывание «Получили новые жилища 1.200 р а б о ч и х» (ПрП, 31.12.1931) действительно можно соотнести с практикой наделения жилплощадью именно работников предприятий, то обещание мясокомбината им. С. М. Кирова «в текущем году дать л е н и н г р а д с к и м р а б о ч и м дополнительной продукции на двадцать миллионов рублей», опубликованное в «Ленинградской правде» 7 ноября 1935 г. (т. е. через месяц после отмены карточек на все продукты, кроме хлеба¹⁰), даже с формальной точки зрения не следует читать буквально: речь идет о метонимическом обозначении жителей города через классовый термин.

Здесь уместна аналогия с представлением в газетах антропонимов. Как отмечает В. В. Васильева, в советскую эпоху сложился канон (характерный в особенности для сталинского периода), в соответствии с которым имя героя производственной заметки использовалось в конструкции с функциональными и релятивными номинациями (т. е. с упоминанием должности, партийной принадлежности, звания и т. д.), поскольку «герой-производственник» «не мог появиться в газетном тексте сам по себе, как частное лицо, он должен был быть “рекомендован” соответствующими инстанциями и “подходить” по всем идеологическим параметрам, которые и отражены квалифицирующими элементами при имени собственном» [Васильева 2014: 178–179]. По всей вероятности, схожими идеологическими установками диктовалось и соответствующее представление жителей города: недостаточно быть просто *ленинградцами*, нужно быть в первую очередь *трудящимися*, и т. д.

⁸ Требуется комментарий пик использования названия *ленинградцы* в «Ленинградской правде» за 1921–1925 гг. В декабре 1925 г. в газете публиковались материалы XIV съезда ВКП(б), и катойконим в данном случае использовался участниками съезда для именования представителей ленинградской делегации.

⁹ О конструировании советской праздничной культуры и, в частности, об изменении понимания того, кто должен быть участником / адресатом митинга или шествия, см. [Кустова 2015]. Примечательно, к примеру, и описательное обозначение не-участников мероприятия: «Грандиозная Первомайская демонстрация спутала все расчеты многих п и т е р с к и х о б ы в а т е л е й» (ПП, 3.05.1923); далее описывается обсуждение «зеваками», сколько вышло на улицу «пролетариев-демонстрантов».

¹⁰ Нормированное обеспечение хлебом было ликвидировано еще раньше, в январе 1935 г. [Дэвис, Хлевнюк 1999: 88].

Однако возникают вопросы, чем объясняется большое число катойконимов, обозначающих жителей прочих населенных пунктов, в газетах 1920-х гг. и почему это число (особенно применительно к жителям административной единицы) значительно больше в газетах Твери и Тамбова, чем Петрограда/Ленинграда.

Отвечом на второй вопрос может быть то, что в силу социально-экономических причин и различий в составе населения трех губерний¹¹ петроградская/ленинградская газета давала больше материалов, относящихся к городу, а газеты Твери/Калинина и Тамбова — к окружающей территории, преимущественно аграрной. Наряду с этим следует отметить характерную для газет 1920-х гг. установку на использование журналистами разговорного языка, а также расцвет в данный период рабселькоровского движения. Для рабселькоровских материалов были характерны разговорная, просторечная лексика и прочие отступления от официально-делового стандарта речи (см. [Лысакова 2005: 30–31, 49–51]). Как таковые катойконимы после XVIII в. были вытеснены в сферу, «обслуживающую неформальные отношения в обществе» [Левашов 1968: 14], соответственно, вполне органичным было их присутствие (и даже обилие) в рабселькоровских материалах, зачастую написанных в экспрессивно-эмоциональной интонации, ср.: «Новоторжцы [г. Торжок], подтянитесь!» (ТвП, 5.11.1921); «Шатиловцы [с. Шатилово]! Кругом посмотрите! Идет созидательная работа. Все тянется к свету, — а вы?» (ТП, 31.12.1923); «“Развлечения” холмичан [г. Холм Псковской губ.] отличаются крайней дикостью» (ЛП, 8.01.1926); в переписке «Тамбовской правды» с корреспондентами, в частности, объявляется, что «не пойдет» заметка некоего Орленка «Стыдитесь, тамбовцы» (ТП, 1.01.1923), и т. д.

Вероятно, не будет ошибкой сказать, что в «Петроградской/Ленинградской правде» функцию, близкую к катойконимной, имели дериваты от имен собственных иного рода, а именно названий районов города и предприятий, обычно образованные при помощи форманта *-(ов)ец*. Его продуктивность в названиях членов групп и коллективов выросла как раз в после-революционную эпоху. В отличие от ряда других продуктивных формантов, он позволял создавать стилистически нейтральные номинации [Панов 1968: 121–122, 125]. Подобные номинации широко использовались и в текстах, написанных книжным стилем, например в репортажах о праздничных демонстрациях, ср.: «У нарвцев [Нарвский район] первыми шли краснопутиловцы [завод “Красный путиловец”]. <...> У володарцев [Володарский район] первыми выступают на площадь ударники “Большевика”. <...> Возглавляя колонну выборжцев [Выборгский район], идут сталинцы [Ленинградский металлический завод им. И. В. Сталина]» (ЛП, 10.11.1931). Пока-

¹¹ По данным переписи 1926 г., наличное население Ленинграда составляло 57,8 % от всего населения губернии, Твери — 4,7 %, а Тамбова — 2,8 % [Всесоюзная перепись 1927].

зательно, что в одном тексте могли использоваться более десяти номинаций подобного рода¹² при полном отсутствии названия жителей города.

Названия жителей (в том числе места издания газеты) в этот период возникали, кроме материалов, описывающих быт и труд в соответствующих населенных пунктах, например, в контексте соцсоревнования («Ленинградцы отвечают москвичам» — ЛП, 24.02.1928; «Вызываем лысого рцев [с. Лысые Горы]» — ТП, 8.03.1932); в контексте помощи жителям других регионов (ср. подзаголовки опубликованной в «Тверской правде» 3 мая 1922 г. статьи «В тяжелые дни для симбирцев!» о помощи жителям Никулинской волости Тверской губернии голодающему Поволжью: «Решение никулинцев»; «Телеграмма никулинцев к голодающим»; «Представители от голодающих симбирцев в Твери»; «Как приняли никулинцы симбирцев»; «Рассказ симбирца Краснова» и др.), а также при цитировании чужой речи, в особенности властных фигур (например, И. В. Сталина: «Вперед, к новым победам, товарищи-ленинградцы!» — ЛП, 10.11.1932, или: «На декабрьском пленуме ЦК ВКП(б) тов. Микоян говорил: “Мурманцы имеют огромные успехи в развитии рыбной промышленности”»¹³ (ЛП, 31.12.1935)). При этом о б р а щ е н и я к жителям города — места издания с использованием катойконима были единичны¹⁴.

*Именование жителей в газетах
со второй половины 1930-х гг.*

Причины роста названий жителей города — места издания газеты во второй половине 1930-х гг., пикового употребления таких номинаций в 1940-е гг. и их утверждения в языке газет в дальнейшем следует видеть в изменениях, происходивших в советском общественном дискурсе. И. Сандомирская отмечает, что в рамках говорения о родине в конце 1920-х гг.

¹² Например, в статье «Победный марш пролетарских колонн», опубликованной в «Ленинградской правде» 4 мая 1934 г., упоминаются жители районов (*володарцы, выборжцы, василеостровцы, петроградцы* [здесь: Петроградский район], *смольницы*) и рабочие предприятий (*краснопутиловцы, электросиловы, сталинцы, балтийцы, красновыборжцы, володарцы* [здесь: швейная фабрика им. Володарского], *пролетарцы, мартийцы, кировцы* [здесь: завод им. Кирова], *карломарковцы, светлановцы, девушки-халтуринки, пожилой свердловец* [здесь: завод им. Свердлова]). О том, что все это — *ленинградцы*, в статье не упомянуто.

¹³ В цитируемой речи А. И. Микояна *мурманцы* упомянуты еще трижды; далее следует пространный текст от редакции, в котором, впрочем, катойконим отсутствует.

¹⁴ В проанализированных материалах до середины 1930-х гг. обнаруживаются лишь два случая, причем относящихся к довольно раннему периоду: во-первых, это передовица тамбовских «Известий...» (24.01.1919), призывающая помочь голодающему Петрограду: «Тамбовцы! Красный Петроград, краса и гордость революции, схвачен за горло костлявой рукою голода», а во-вторых, обращение «Товарищи Тамбовцы!» в том же номере.

«на полном ходу еще работала риторическая машина интернациональной солидарности, а риторика национального самосознания, наоборот, политически преследовалась»; с середины 1930-х гг. «тенденции русского национализма становились более выраженными, а вместе с ними постепенно реабилитировалась и риторика (русской, а не “пролетарско-интернационалистической”) Родины. Кульминация этого процесса — конец войны и послевоенные годы»; хрущевские же времена «ознаменовались появлением риторики малой родины, что сигнализировало вступление на идеологическую арену локализма, голоса “мест” в противоположность административно-командной артикуляции “центра”» [Сандомирская 2001: 20–21]. Это наблюдение верно в отношении не только национального (этнического), но и территориального аспекта¹⁵.

Уже в конце 1930-х гг. на страницах советских газет в определенном смысле отразилась если не риторика, то по крайней мере топика малой (а не просто русской) родины. Массовыми становятся тексты, с одной стороны, акцентированные на локальной идентичности, а с другой — подразумевающие использование катойконимов. Это, во-первых, материалы о «знатных земляках» — уроженцах города или губернии, достигших успехов на производстве, в области культуры, науки и т. д., а также о земляках, проходящих службу в рядах Красной армии, во-вторых, письма от известных земляков или от земляков-красноармейцев. Например, в 1937 г. «Тамбовская правда» обратилась к землякам — «работникам литературы и искусства» с просьбой рассказать о своей работе. 4 мая были опубликованы письма, в частности композитора Ивана Держинского, который среди прочего писал: «Моя связь с Тамбовом поддерживается через композиторов-тамбовцев В. Желобинского, И. Чаплыгина и Г. Сметанина. В мае думаю приехать в Тамбов послушать новые сочинения тамбовцев и показать свои». 1 января 1937 г. в калининской «Пролетарской правде» были опубликованы обращения председателя Всекопромсовета М. Чудова (он адресует свое письмо «дорогим товарищам калининцам» и пишет: «Я, старый калининец, внимательно слежу за всеми успехами своих земляков. Мой родной город за последние годы превратился в большой культурный центр...»), а также артиста Сергея Лемешева, уроженца Тверской губернии, приветствующего «дорогих калининских земляков» и поздравляющего «калининцев с новым, 1937 годом». Участник боев в районе озера Ха-

¹⁵ Именно в эстетике и идеологии «малой родины», допущенных в широкое обращение в хрущевский период, И. Сандомирская видит важный фактор распада СССР и последующего «торжества антисоветского и антирусского локального фундаментализма в бывших союзных республиках» [Сандомирская 2001: 21]. Наряду с национальными — (анти)советским и собственно этническим — аспектами можно добавить также аспект территориальный, имея в виду так называемый локальный сепаратизм в ряде российских регионов, ставший приметой уже рубежа XX–XXI вв.

сан, орденосец Ф. В. Головлев в новогоднем поздравлении 1939 г. отмечает, что поднимает бокал за великий советский патриотизм «вместе со своими друзьями и товарищами-конаковцами [г. Конаково], вместе со всей страной» (ПрП, 1.01.1939).

Наряду с этим во второй половине 1930-х гг. увеличивается число катойконимов в новостных материалах (ср.: «За этот год ленинградцы внесли в сберегательные кассы около 100 миллионов рублей» — ЛП, 31.12.1938; «Калининцы, как и весь советский народ, с радостью идут навстречу дню выборов в Верховный Совет» — ПрП, 10.11.1937; «Сейчас в Верховный Совет СССР будут выбирать 60.000 тамбовцев...» — ТП, 7.11.1937), хотя в целом именование жителей при помощи классовых терминов используется шире¹⁶.

Резкий взлет употребления названий жителей в годы Великой Отечественной войны¹⁷, по всей вероятности, является своего рода рефлексом намеченного уже в 1930-е гг. патриотического дискурса, подразумевавшего обращение к национальным чувствам, национальной истории и т. д. Патриотический дискурс, обладавший значительной мобилизационной функцией, как правило, в литературе анализируется в собственно этническом, прежде всего русском аспекте (в плане словоупотребления это касалось, в частности, активного использования терминов *Русь*, *Россия*, *русский*, а также *Отечество* и др. [Фесенко 1955: 117–119]), однако материал показывает, что, несмотря на безусловный русоцентризм пропаганды военной эпохи¹⁸, эксплуатировалась не только национальная, но и локальная идентичность.

В годы войны «традиционные воззвания, прославляющие “советские” темы (...) были быстро выведены на задний план, уступив место новому репертуару лозунгов, игравших на различных чувствах: от чувства гордости и желания мести до стремления встать на защиту друзей, семьи и родины» [Бранденбергер 2009: 142]. С этим наблюдением соотносится и практика словоупотребления в газетах военного периода. Прежде всего *трудящиеся* и прочие классовые номинации в газетах едва ли не с первых месяцев войны были значительно потеснены катойконимами. Увеличива-

¹⁶ Здесь примечательны клише «вместе со всей страной» и «как и весь советский народ» (первое возникло еще в 1920-е, второе — в 1930-е гг. и вошло в широкое употребление в конце 1930-х гг.), активно использовавшиеся вплоть до распада СССР и представлявшие собой, возможно, своего рода оговорку, оправдывающую обращение к локальной тематике.

¹⁷ Цифры, представленные в Таблицах 1–3, впечатляют тем более, если учесть, что значительную часть содержания газет в это время составляли сводки с фронтов и другие материалы, не предполагавшие упоминания локальных реалий, а сами газеты на протяжении всего периода войны или нескольких лет выходили в уменьшенном формате и / или с меньшим количеством полос.

¹⁸ См. подробнее, например, [Бранденбергер 2009: 139–188].

ется доля локально ориентированных и локально адресованных текстов, в частности призывающих к обороне и защите не только родной страны, но и родного города.

Названия жителей звучат, во-первых, в обращениях — а) от лица редакции газеты («Ленинградцы! Днем и ночью мужественно выполняйте свой воинский долг, будьте часовыми на своих постах!» — ЛП, 1.10.1941; «Калининцы, не ограничиваясь трудовой повинностью, выходите на массовые воскресники по восстановлению города [после оккупации], вооружившись лопатами, ломом, тачками, метелками. Очистим, отмоем с нашего города следы фашистского свинства!» — ПрП, 1.01.1942; «Привет славным ленинградцам — боевым защитницам великого города Ленина!» — ЛП, 7.03.1943); б) от лица властных и других известных лиц («Ко всем трудящимся города Ленина. Товарищи, ленинградцы, дорогие друзья!» — ЛП, 21.08.1941, подписано К. Е. Ворошиловым, А. А. Ждановым и П. С. Попковым; «Привет ленинградцам!» — ЛП, 1.01.1943, письмо Алексея Толстого); в) в письмах с фронта («Товарищи земляки, дорогие тамбовчане!» — ТП, 23.02.1944) и г) от иногородних организаций («Дорогие братья и сестры, товарищи ленинградцы!» — ЛП, 1.05.1942, обращение, принятое на совещании передовиков предприятий и сельского хозяйства Севастополя и Балаклавы) и т. д. Во-вторых, именование при помощи катойконимов используется в повествовательных текстах, рассказывающих о фронте и о труде в тылу («Упорные, несмотря ни на что ленинградцы восстанавливают свои заводы и фабрики, свой транспорт и свои жилища» — ЛП, 1.11.1943, рапорт И. В. Сталину; «Участвуя в боях и работая в дивизионном ансамбле, многие тамбовчанки проявили мужество и отвагу. <...> Так оружием и боевой песней тамбовчанки помогают защитникам Родины бить ненавистного врага» — ТП, 7.03.1945). В-третьих, эти номинации появляются в высказываниях от лица жителей города: «Под руководством Военного Совета Оборона г. Ленинграда мы, ленинградцы, мобилизуем все наши силы, всю нашу волю, все наше сознание на разгром врага» (ЛП, 23.08.1941); «Мы, калининцы, всегда гордившиеся опрятностью и чистотой своего города, ужаснулись, увидев, как испакостили немцы наш город» (ПрП, 1.01.1942).

Представляется важным появление большого количества текстов, использующих названия жителей, где позиционируется локальная общность, в частности между жителями города/области, оставшимися в тылу, и их воюющими земляками. Прежде всего это корреспонденция с фронтов, а также письма, отправляемые через полевую почту. Принадлежность к локальной общности часто специально подчеркивается (в том числе при помощи катойконимов), а сам факт принадлежности к этой общности служит основанием для гордости за боевые или трудовые подвиги ее представителей: «Много калинцев находится в части, где командиром орденоносец капитан тов. Смольский. <...> Наша часть гордится отважными калинцами» (ПрП, 4.05.1943; статья «Это — калинцы» о земляках на

фронте и в тылу); «Блестящая операция! Она радует сердца советских людей. Вдесятеро больше должны радоваться этому калининцы, так как часть, проводшая успешные рейды по тылам врага, укомплектована в основном нашими земляками» (ПрП, 7.03.1943); «Дорогие земляки-тамбовцы! (...) Мы кровно связаны с вами и гордимся нашими знатными земляками...» (ТП, 7.11.1944, письмо из боевой части, носящей имя Тамбовской); «Наша часть формировалась при активном содействии партийных, советских организаций и трудящихся Тамбовской области. Да и личный состав части в основном состоит из тамбовчан. (...) А вот примеры храбрости, мужества и самоотверженности тамбовчан...» (ТП, 23.02.1942, письмо с фронта).

Применительно к тамбовскому материалу заслуживает внимания тот факт, что в 1942 г. в «Тамбовской правде» для именования жителей впервые вместо исконной номинации *тамбовцы* начинает использоваться название *тамбовчане*. Вплоть до первой половины 1950-х гг. вторая номинация становится в газете широко употребимой и в некоторые годы совершенно вытесняет первую. По-видимому, это происходит под влиянием писем с фронта, в которых красноармейцы обращаются к землякам как к *тамбовчанам*; в усвоении ими новой номинации можно видеть интересную иллюстрацию к тезису о фронте как факторе языковой социализации¹⁹.

Катойконимы могут использоваться и в текстах, актуализирующих локальную историческую память и написанных в русле общей тенденции, призванной мобилизовать население через апелляцию к славному героическому прошлому. Например, в статье тамбовского архивиста И. Очагова «Из прошлого. Тамбовчане в боях за Родину», повествующей о местных героях Гражданской войны, заявлено: «Славные боевые традиции тамбовчан живут в подвигах наших земляков — участников великой отечественной [sic!] войны против подлых немецких захватчиков» (ТП, 23.02.1944).

Наконец, в «Ленинградской правде» катойконимы используются в текстах, конструирующих образ героического жителя города. Разумеется, случай Ленинграда неординарен, поскольку уже с первых лет советской власти начинает создаваться своего рода петроградский (впоследствии — ленинградский) миф, основанный на исторической роли «города трех революций»²⁰. Уже в 1920–1930-е гг. газетные тексты, эксплуатирующие этот миф, с одной стороны, приписывают жителям города особенные качества, а с другой — постулируют особенную ответственность, наложенную на них самим фактом проживания в городе. Так, 4 мая 1920 г. «Петроградская правда» в материале об отправке солдат на фронт Гражданской войны напоминает: «Товарищи! Там, где опасность, питерцы всегда были первыми».

¹⁹ О роли фронта в социализации как таковой см. [Заславская 2018].

²⁰ В целом вопрос о месте «ленинградского текста» в русской культуре (либо, уже, в литературе) и о его соотношении с «петербургским текстом» остается дискуссионным. См., например, обзор [Жаднова 2013].

В передовице газеты, посвященной переименованию Петрограда в Ленинград, идет речь об особой связи города с ленинским наследием:

Дорогие товарищи ленинградцы! В нашей среде, в мастерских наших фабрик и заводов, отковал тов. Ленин стальной клинок пролетарской диктатуры — партию большевиков-коммунистов. (...) Наш великий, бунтарский город навсегда связал себя с именем лучшего вождя рабочего класса. Еще не получивший нового названия, он считал себя ленинцем всегда и не раз доказал это на деле. Так будет и дальше. Каждый трудящийся Ленинграда, работница и рабочий, служащий, моряк и красноармеец будут помнить всегда, что тот, кто носит имя Ленина, отвечает за него перед всей Советской Республикой, перед рабочими и крестьянами всего мира. Быть ленинградцем — значит быть стойким, бессменным часовым пролетарской революции (...) значит быть твердым и гибким, как сталь, монолитным, как скала из гранита, значит всегда носить в себе хоть маленькую частицу ума и сердца Владимира Ильича (ЛП, 28.01.1924).

Та же идея «первенства» жителей Ленинграда отражается в статье Николая Тихонова «Люди великого города», посвященной участию ленинградцев в советско-финской войне: «[О возвращении бойцов с победой.] Проходили сыны единого советского народа, и в первых рядах шагали закаленные в испытаниях и боях сыны города трех революций — ленинградцы!» (ЛП, 23.02.1941).

В публикациях «Ленинградской правды» периода Великой Отечественной войны увеличивается число текстов, во-первых, подчеркивающих особые качества жителей города, которые подкреплены блокадным опытом («Но враг забыл, что мы — ленинградцы-питерцы, сыны и дочери города трех революций. Нас так просто не возьмешь на испуг!» — 7.11.1941; «Ленинградцы! Во всех концах нашей широчайшей земли звучало это слово (...) На всех стройках имелись машины с надписью “Сделано в Ленинграде”, по всем морям плавали корабли, сошедшие со стапелей на Неве, всюду были упорные, хладнокровные, дисциплинированные, грозные в бою и горячие в работе ленинградцы» — 7.11.1941; «Ленинградцы — люди крепкой породы, и согнуть их нелегко, пусть не мечтает об этом немец!» — 23.02.1944; «Ленинградец 1943 года — это человек, прошедший суровую школу борьбы, уверенный в том, что ему по силам преодоление любых трудностей» — 1.05.1943); во-вторых, апеллирующих к их особому патриотизму («Совесть русской женщины, ленинградки, не позволит ей [героине статьи, радиотехнику Алексеевой] уйти с поста в тяжелое для родного города время» — 7.03.1943; «Сотни героев — это лишь солдаты одного батальона. И весь батальон в целом — это люди, у которых одна мысль: “Мы — ленинградцы!”» — 1.05.1942) и т. д.

Если выйти за рамки газетного материала, не случайным оказывается и появление именно в годы войны значительного количества поэтических (в том числе песенных) текстов, непосредственно адресованных жителям города и содержащих катойконимы. Обращает на себя внимание риторика

гордости: с одной стороны, героическое поведение горожан является поводом к тому, чтобы ими гордилась вся советская страна, с другой — в этих текстах имплицитно или эксплицитно ставится знак равенства между принадлежностью к локальному сообществу и наличием особенных качеств, и, наконец, сама по себе принадлежность к локальному сообществу позиционируется как повод для гордости жителей и диктует необходимость соответствовать определенным требованиям (т. е. быть сильным и отважным патриотом). Прежде всего эти тексты инспирированы ленинградской блокадой и повествуют о *ленинградцах* и *ленинградках*: «Ленинградцы, дети мои, / Ленинградцы, гордость моя» (Джамбул Джабаев, 1941), «Ленинградке» (А. А. Прокофьев, 1942; со строками «Таких не сломит недоля злая, / Такие смело вступают в бой. / Ленинградка, сестра родная, / Сильнее многих, горжусь тобой»), «Ленинградке» (В. М. Саянов, 1943; со строками «Тебе словами песен и сказаний / Весь мир сегодня почесть воздаст. / И в дни побед и в пору испытаний / Одно лишь слово знала ты: “Вперед!”»), песня «Ночь над Ленинградом» (А. Жерве, В. Крахт, 1942; со строками «Я зовусь недаром ленинградкой, / Мы умеем все переживать») и мн. др., не говоря уже о более широком пласте блокадной лирики (А. А. Прокофьев, О. Ф. Берггольц и т. д.). В том же 1941 г. были созданы песня В. И. Лебедева-Кумача «Москвичи на вахте» со строками «В грозное время будь достоин / Славного имени москвича» и ставшая широко известной песня на слова В. А. Дыховичного с рефреном «Ты — одессит, Мишка, а это значит, / Что не страшны тебе ни горе, ни беда...». О значительном мобилизационном потенциале подобных текстов (и о том, что он вполне осознавался пропагандой) свидетельствует, в частности, тот факт, что листовки с песней об «одессите Мишке» в 1944 г. разбрасывали с советских самолетов над оккупированной Одессой (см. [Пойзнер 2016: 108–109, 117]).

Указанные тенденции продолжают и в послевоенные годы. Катойконимы прочно обосновываются в газетных текстах на общем фоне развития локалистских тенденций, о которых упоминает И. Сандомирская [2001: 21]. Разумеется, выработанные в довоенный период способы именования жителей при помощи классовых терминов (*трудящиеся* [*города*] и т. д.) не исчерпали себя и оставались актуальными в СМИ вплоть до завершения советской эпохи, однако в послевоенный период катойконимы составляли им существенную конкуренцию. Контекстом, в рамках которого разворачивались тенденции локализма, стал расцвет исторического краеведения в 1960-е гг. (подразумевавший, с одной стороны, своего рода коллекционирование фигур знаменитых земляков, с другой — появление множества публикаций о малой родине), а также создание корпуса «песен о городе» (см. об этих песнях [Лурье 2005]). Не теряла своей актуальности и риторика гордости, в послевоенный период все больше связывавшаяся с описанием как настоящего (например, гордость за «знатных земляков» и за трудовые успехи жителей города), так и исторического прошлого того или иного места.

* * *

Таким образом, изменения социального дискурса в советскую эпоху и риторических стратегий оказали влияние на функционирование названий жителей. Если в раннесоветский период катойконимы занимали в газетах фактически маргинальное положение, то в годы войны и в послевоенный период их число необыкновенно возрастает; расширяется и сфера их употребления в СМИ, а сами эти номинации встраиваются в патриотическую риторику. В свою очередь, фактом вхождения катойконимов в широкое употребление в языке газет обусловлено то внимание, которое им стало уделяться в послевоенный период лингвистами, литераторами и, позднее, самими локальными сообществами.

Изложенное во многом объясняет следующие вопросы.

1. Почему названия жителей стали активно отражаться и обсуждаться именно с 1950-х гг., вначале в печати, а затем на «низовом» уровне (см., например, [Ахметова 2013]). Дополнительным фактором может быть поворот в пропаганде «чистоты языка» в период хрущевской оттепели, ознаменовавшийся, с одной стороны, либерализацией общественных дискуссий, с другой — беспрецедентным подъемом научного и общественного интереса к культуре речи [Басовская 2011: 111 сл.].

2. Почему обсуждение вариантных катойконимов внутри самих локальных сообществ (начиная с позднесоветского периода) приобрело соответствующий характер, в частности, почему одним из аспектов рефлексии по поводу данных названий стало приписывание коннотаций гордости уже самим номинациям как лексическим единицам: например, конструкции наподобие «гордое/доброе имя [катойконим в *Not.* или *Gen.*]» используются в полемике о «правильности» того или иного вариантного катойконима, при этом подразумевается уже не столько гордость от принадлежности к локальному сообществу, сколько релевантность варианта.

Сокращения

ЛП — «Ленинградская правда»

ПП — «Петроградская правда»

ПрП — «Пролетарская правда» (Калинин)

ТП — «Тамбовская правда»

ТвП — «Тверская правда»

Приложение

Названия газет в рассматриваемый период

Петроград/Ленинград

До 30 янв. 1924 — Петроградская правда.

30 янв. 1924 — 31 авг. 1991 — Ленинградская правда.

Т а м б о в

До 28 февр. 1918 — Известия рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

28 февр. — 9 окт. 1918 — Известия Тамбовского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

10 окт. — 11 дек. 1918 — Известия Тамбовского губернского Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов.

12 дек. 1918 — 14 мая 1919 — Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

22 мая — 24 июня 1919 — Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета РКП и губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

1 июля 1919 — 1 дек. 1921 — Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

2 дек. 1921 — 1 марта 1922 — Тамбовские известия.

2 марта 1922 — 17 сент. 1991 — Тамбовская правда.

Т в е р ь / К а л и н и н

Первые числа янв. 1918 — Известия рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

9 янв. — 25 апр. 1918 — Известия Тверского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

27 апр. — 16 авг. 1918 — Известия Тверского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

17 авг. — 21 сент. 1918 — Известия Тверского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

24 сент. 1918 — 14 июня 1919 — Известия Тверского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

15 июня 1919 — 24 дек. 1931 — Тверская правда.

25 дек. 1931 — 9 февр. 1952 — Пролетарская правда.

10 февр. 1952 — 22 июля 1990 — Калининская правда.

Л и т е р а т у р а

Ахметова 2013 — М. В. Ахметова. Еще раз о суффиксе *-чане* (история одной полемики) // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 65–90.

Басовская 2011 — Е. Н. Басовская. Советская пресса — за «чистоту языка»: 60 лет борьбы. М., 2011.

Бранденбергер 2009 — Д. Л. Бранденбергер. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.) / Пер. с англ. Н. Алешиной, Л. Высоцкого. СПб., 2009.

Васильева 2014 — В. В. Васильева. «Высокие технологии» советской производственной новости // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 9. 2014. Вып. 4. С. 175–181.

Всесоюзная перепись 1927 — Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. 3: Население СССР. М., 1927.

- Генкин 1998 — В. М. Генкин. Женские катойконимические номинации: особенности словообразования и функционирования в речи // *Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта*. 1998. № 1. С. 56–60.
- Горпинич 1973 — В. О. Горпинич. Теоретичні питання відтопонімного словотвору східнослов'янських мов. Київ, 1973.
- Дэвис, Хлевнюк 1999 — Р. У. Дэвис, О. В. Хлевнюк. Отмена карточной системы в СССР. 1934–1935 годы // *Отечественная история*. 1999. № 5. С. 87–108.
- Заславская 2018 — О. В. Заславская. Между войной и революцией: транснациональный контекст коллективной биографии «потерянного поколения» Восточной Европы // *Шаги/Steps*. Т. 4. № 2. 2018. С. 166–203.
- Зеленин, Ряйсянен 2002 — А. В. Зеленин, В. Ряйсянен. Как живете, господа-товарищи? // *Русский язык в школе*. 2002. № 6. С. 80–89.
- Жаднова 2013 — Е. Н. Жаднова. Современные подходы к изучению проблемы петербургского текста русской литературы // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика*. Т. 13. № 4. 2013. С. 70–74.
- Ильин 2012 — Д. Ю. Ильин. Топонимическая лексика в текстах региональных газет конца XIX — начала XXI века: динамические процессы. Волгоград, 2012.
- Колесов 2006 — В. В. Колесов. Гордый наш язык. 2-е изд. СПб., 2006.
- Кустова 2015 — Э. М. Кустова. Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ // *Неприкосновенный запас*. 2015. № 3. С. 57–77.
- Левашов 1968 — Е. А. Левашов. «Москвичи и иных мест люди...». Л., 1968.
- Лурье 2005 — М. Л. Лурье. URBS ET TERRA: Поэтика локального патриотизма в песнях о городе // *Литературные явления и культурные контексты: Материалы Коллоквиума молодых ученых-гуманитариев Санкт-Петербурга и Даугавпилса / Ред.-сост. М. Л. Лурье*. СПб., 2005. С. 42–50.
- Лысакова 2005 — И. П. Лысакова. Язык газеты и типология прессы: Социолингвистическое исследование. СПб., 2005.
- Майофис 2016 — М. Л. Майофис. «В помощь решениям высшего командования»: о рождении «оттепельной» общественности из духа 1939 года // *Шаги/Steps*. Т. 2. № 1. 2016. С. 44–81.
- Панов 1968 — *Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова*. [Вып.] 2: Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968.
- Пойзнер 2016 — М. Б. Пойзнер. Одесские песни с биографиями. Одесса, 2016.
- Сандомирская 2001 — И. Сандомирская. Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001. (= Wiener slawistischer Almanach; 50).
- Солганик 1981 — Г. Я. Солганик. Лексика газеты: Учебное пособие для вузов по специальности «Журналистика». М., 1981.
- Суперанская 1979 — А. В. Суперанская. Ономастическая стандартизация. Допустимость. Возможности. Ограничения // *Востоочнославянская ономастика: Исследования и материалы / Отв. ред. А. В. Суперанская*. М., 1979. С. 84–112.
- Фесенко 1955 — А. и Т. Фесенко. Русский язык при советах. Нью-Йорк, 1955.
- Шкатова 1987 — Л. А. Шкатова. Различные степени терминологизации наименований лиц // *Современные проблемы русской терминологии / Отв. ред. В. П. Даниленко*. М., 1987. С. 37–52.

Статья получена 27.01.2019

Maria V. Akhmetova

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Moscow, Russia)
malinxi@rambler.ru

WORDS FOR CITY DWELLERS IN SOVIET RHETORIC: FROM THE MARGINAL TO THE MAINSTREAM

The paper presents and discusses results of a study on the functioning of katoikonyms (words identifying inhabitants of cities) in Soviet newspapers. Our statistical survey of local newspapers published in Petrograd/Leningrad, Tver/Kalinin, and Tambov in the years 1918–1950, 1955, 1960, and 1965 has demonstrated that in the early Soviet period katoikonyms related to the places of newspapers' publication had a marginal position in local press. Their frequency grew in the end of the 1930s, reaching its peak in the years of World War II, and remained consistently high in the post-war period. These tendencies were determined by the changes in Soviet ideological discourse and rhetoric strategies, primarily by the turn from proletarian internationalism to patriotism since the end of the 1930s and further growth of the role of *malaya rodina* (lit. 'little motherland', hometown, homeland) in Soviet discourse.

Keywords: appellations of city dwellers, katoikonyms, Soviet rhetoric, Soviet discourse, language of media, local patriotism, local identity, ideology

References

- Akhmetova, M. V. (2013). Eshche raz o suffikse *-chane* (istoriia odnoi polemiki). *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 65–90.
- Basovskaya, E. N. (2013). *Sovetskaia pressa — za "chistotu iazyka": 60 let bor'by*. Moscow: RGGU.
- Brandenberger, D. (2002). *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956*. Cambridge, MA; London: Harvard Univ. Press.
- Davies, R. W., & Khlevniuk, O. V. (1999). Otmena kartochnoi sistemy v SSSR. 1934–1935 gody. *Otechestvennaia istoriia*, 5, 87–108.
- Fesenko, A., & Fesenko, T. (1955). *Russkii yazyk pri sovetakh*. New York: Rausen Bros.
- Genkin, V. M. (1998). Zhenskie katoikonimicheskie nominatsii: osobennosti slovoobrazovaniia i funktsionirovaniia v rechi. *Vesnik Vitsebskaga dzharzhavnaga universiteta*, 1, 56–60.
- Gorpinich, V. O. (1973). *Teoretichni pitannia vidtoponimnogo slovotvoru skhidnoslov'ians'kikh mov*. Kiev: Naukova dumka.
- Ilyin, D. Yu. (2012). *Toponimicheskaia leksika v tekstakh regional'nykh gazet kontsa XIX — nachala XXI veka: dinamicheskie protsessy*. Volgograd: Izdatel'stvo VolGU.
- Kolesov, V. V. (2006). *Gordyi nash yazyk* (2nd ed.). St. Petersburg: Avalon; Azbuka-klassika.
- Kustova, E. (2015). Sovetskii prazdnik 1920-kh godov v poiskakh mass i zrelishev. *Neprikosnovennyi zapas*, 3, 57–77.
- Levashov, E. A. (1968). *"Moskvichi i inye mest liudi..."*. Leningrad: Nauka.

Lurye, M. L. (2005). URBS ET TERRA: Poetika lokal'nogo patriotizma v pesniakh o gorode. In M. L. Lurye (Ed.), *Literaturnye iavleniia i kul'turnye konteksty: Materialy Kollokviuma molodykh uchenykh-gumanitariiev Sankt-Peterburga i Daugavpilsa* (pp. 42–50). St. Petersburg: SPbGUKI.

Lysakova, I. P. (2005). *Yazyk gazety i tipologiiia pressy: Sotsiolingvisticheskoe issledovanie*. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU.

Maiofis, M. L. (2016). "V pomoshch' resheniiam vysshego komandovaniia": o rozhdenii "ottepel'noi" obshchestvennosti iz dukha 1939 goda. *Shagi / Steps*, 2(1), 44–81.

Panov, M. V. (Ed.). (1968). *Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo: Sotsiolingvisticheskoe issledovanie* (Vol. 2). Moscow: Nauka.

Sandomirskaya, I. (2001). *Kniga o rodine: Opyt analiza diskursivnykh praktik*. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien.

Shkatova, L. A. (1987). Razlichnye stepeni terminologizatsii naimenovanii lits. In V. P. Danilenko (Ed.), *Sovremennye problemy russkoi terminologii* (pp. 37–52). Moscow: Nauka.

Solganik, G. Ya. (1981). *Leksika gazety: Uchebnoe posobie dlia vuzov po spetsial'nosti "Zhurnalistika"*. Moscow: Vysshiaia shkola.

Superanskaya, A. V. (1979). Onomasticheskaia standartizatsiia. Dopustimost'. Vozmozhnosti. Ogranicheniia. In A. V. Superanskaya (Ed.), *Vostochnoslavianskaia onomastika: Issledovaniia i materialy* (pp. 84–112). Moscow: Nauka.

Vasilyeva, V. V. (2014). "Vysokie tekhnologii" sovetskoi proizvodstvennoi novosti. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, Ser. 9, 4, 175–181.

Zaslavskaya, O. V. (2018). Mezhdv voinoi i revoliutsiei: transnatsional'nyi kontekst kollektivnoi biografii "poteriannogo pokoleniia" Vostochnoi Evropy. *Shagi / Steps*, 4(2), 166–203.

Zelenin, A. V., & Riiasianen, V. (2002). Kak zhivete, gospoda-tovarishchi? *Russkii iazyk v shkole*, 6, 80–89.

Zhadnova, E. N. (2013). Sovremennye podkhody k izucheniiu problemy peterburgskogo teksta russkoi literatury. *Izvestiia Saratovskogo universiteta Novaia seriia. Ser. Filologiiia. Zhurnalistika*, 13(4), 70–74.

Received on January 27, 2019